

Владимир Николаевич Захаров

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
vnz01@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ДОСТОЕВСКОГО*

Аннотация: Достоевский дал новую концепцию человека в мировой литературе. В критике описаны такие психологические открытия писателя, как иррационализм, дуализм, подполье. Вне поля зрения исследователей остались многие аспекты его христианской антропологии. В его концепции человека существенны такие категории, как *общечеловек* и *всечеловек*. «Общечеловек» — особый тип русского человека, появившийся после реформ Петра I. В отличие от англичан, немцев, французов, которые сохраняют свою национальность, русский «общечеловек» стремится быть кем угодно, только не русским. Быть «общечеловеком» — быть отвлечённым европейцем без корней и без почвы. *Всечеловек* — редкое слово в русском языке. Этим словом с большой буквы назвал Христа Н. Данилевский (1869). Достоевский употреблял слово *всечеловек* с малой буквы, в значении — совершенный христианин. Оно выразило сокровенный смысл Пушкинской речи. Именно Достоевский ввел слово *всечеловек* в русскую литературу и философию. Значение этого слова не понял К. Леонтьев, который представил «ужасного», по его отзыву, «всечеловека» общечеловеком, европейцем, либералом, космополитом. Эта ошибочная подмена (*общечеловек* вместо *всечеловека*) типична в русской литературной и философской критике XX в.

Для Достоевского в каждом человеке заключен образ Божий; *образить*, *обожить* — восстановить образ Божий и тем самым *очеловечить* человека. Быть русским — стать всечеловеком, христианином. Герой Достоевского несет в себе всю возможную полноту Творца и творения.

Ключевые слова: христианская антропология, Достоевский, Данилевский, Леонтьев, новые категории, человек, общечеловек, всечеловек

Достоевский вошел в мировую литературу с новым словом о человеке.

Насколько традиционна и оригинальна его концепция человека?

Все цитируют слова восемнадцатилетнего юноши: «Человек есть тайна» (*Д18*, 15.1; 33)¹, но не объясняют, почему, чтобы *хотеть* быть человеком, нужно заниматься этой тайной?

Что стоит за этими словами?

Вопреки убеждению многих критиков Достоевский отрицал, что он — психолог:

Меня зовут психологом: неправда я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой (*РГАЛИ*. Ф. 212.1.17. С. 29²; впервые опубликовано: *Д1883*, 1, 373).

Здесь что ни слово, то загадка.

В отличие от психолога, который анализирует психическую деятельность человека, «реалист в высшем смысле» изображает «все глубины души человеческой». Какие глубины — все?

Что значит его признание, что «найти в человеке человека» — «русская черта по преимуществу»? Почему это «русская черта»? А как обстоит дело у других народов? Ведь очевидно, что эта проблема вызывает интерес всех народов. В чем же тогда отличие? Почему «в этом смысле» Достоевский «конечно народен»? Почему это его направление «истекает из глубины Христианского духа народного»? Почему поиск «в человеке человека» имеет «источник» — «глубины Христианского духа народного»? При чем здесь христианство?

И что значит «найти в человеке человека»?

Что стоит за этой намеренной и вызывающей тавтологией выражения «человек в человеке»?

Как Достоевский-художник воплощал героев, создавая их образы?

Как он реализовывал свою цель творчества?

На эти вопросы почти невозможно ответить — можно лишь обсуждать поставленные проблемы.

Если собрать прямые высказывания Достоевского о природе человека, а их много и они пространны, может получиться своеобразный философский трактат.

Ключевой текст в этом компендиуме — известная запись Достоевского: «16 *Апреля*, Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?» с рассуждениями писателя о натуре Бога и натуре человека, о Христе и христианстве, о переходной природе человека и личности, о жизни и смерти, о будущем человечества (*РГБ*. Ф. 93.1.2.7. С. 41)

В концепции человека Достоевского существенны такие понятия, как *общечеловек* и *всечеловек*.

Высоко ценя общечеловеческие интересы и устремления, Достоевский был критичен по отношению к тем, кого он называл «общечеловеками». Это особый тип русского человека, появившийся в результате реформ Петра I. В отличие от англичан, немцев, французов, которые прежде всего национальны, русский «общечеловек» стремится быть кем угодно, только не русским. Он презирает народ — и, как правило, ненавидит Россию.

Быть «общечеловеком» — быть отвлечённым европейцем без корней и без почвы.

Единственный положительный контекст употребления слова подтверждает его отрицательное значение. В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский рассказал о похоронах в Минске врача Гинденбурга: «Кстати, почему я назвал старичка доктора "общечеловеком"? Это был не общечеловек, а скорее общий человек» (Д18, 12; 83). Этот праведник лечил и помогал бедным: евреям, русским, белорусам, полякам — всем.

Призвание русских заключено в другой идее: «...русский идеал — всецелость, всепримиримость, всечеловечность» (Д18, 4; 387). В этом состоит «величайшее из величайших назначений» русского человека:

У нас — русских, две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами, — (пусть они на меня за это не сердятся). Против этого спорить не нужно. Величайшее из величайших назначений, уже созданных Русскими в своём будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству (Д18, 11; 423).

Всечеловеческий — ключевой эпитет, *всечеловечество* и *всечеловечность* — понятия, которые постоянно возникают в журнальной полемике Достоевского 1860—1870 гг.

Всецеловек — редкое слово в русском языке XIX в. Оно и сейчас отсутствует во многих словарях современного русского языка.

В современном богословии всечеловеком называют первочеловека Адама, который вобрал в себе всех людей, этим словом с большой буквы именуют Христа. Источник учения — слова Апостола Павла: «Как Адамом все умирают, так Христом все оживут» (1 Кор.15:22).

В этом втором смысле слово *Всецеловек* встречается в книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1969), противопоставлявшего, как и Достоевский, общечеловеческое и всечеловеческое:

Следовательно, *общечеловеческого* не только нет в действительности, но и желать быть им — значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности, одним словом, довольствоваться невозможной неполнотою. Иное дело — *всецеловеческое*, которое надо отличать от *общечеловеческого*; оно, без сомнения, выше всякого отдельно-человеческого, или народного; но оно и состоит только из совокупности всего народного, во всех местах и временах существующего и имеющего существовать; оно несовместимо и неосуществимо в какой бы то ни было одной народности; действительность его может быть только разноместная и разновременная. *Общечеловеческий* гений не тот, кто выражает — в какой-либо сфере деятельности — одно общечеловеческое, за исключением всего национально-особенного (такой человек был бы не гением, а пошляком в полнейшем значении этого слова), а тот, кто, выражая вполне, сверх общечеловеческого, и всю свою национальную особенность, присоединяет к этому еще некоторые черты или стороны, свойственные другим национальностям, почему и им делается в некоторой степени близок и понятен, хотя и никогда в такой же степени, как своему народу. Англичане вполне основательно смеются над немцами, имеющими претензию лучше их самих понимать Шекспира, и не так бы еще посмеялись греки над подобными же претензиями относительно Гомера или Софокла; точно так же, никто так по-бэконовски не мыслил, как англичане, или по-гегелевски — как немцы. Таких богато одаренных мыслителей правильнее было бы называть не общечеловеческими, а всечеловеческими гениями, хотя, собственно говоря, был только один Всецеловек — и Тот был Бог (1, 33—34).

В отличие от Данилевского Достоевский употребил слово «всечеловек» с малой буквы, в значении — совершенный христианин (Христос vs христос, христы). Он ввел это значение слова в русскую литературу и философию.

Значение этого слова не понял К. Леонтьев, пытавшийся представить «ужасного», по его отзыву, «всечеловека» общечеловеком, европейцем, либералом, космополитом [6, 22]. Эта подмена (*общечеловек* вместо *всечеловека*) типична в литературной и философской критике XX в. [8, 7]; [2, 178]; [3, 51] и др. Богословское учение о Всечеловеке представлено в трудах С. В. Булгакова [7, 347—348] и др. и святителя Николая Сербского [7], откровение о *всечеловеке* Достоевского дано в книге преподобного Иустина (Поповича) [5, 238—270].

Слово *всечеловек* предельно ясно выражает сокровенный смысл Пушкинской речи, произнесённой 8 июня 1880 г.:

Стать настоящим русским, стать вполне русским может быть и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком если хотите (*Д18*; 12, 330).

Что значит эта мысль, Достоевский обстоятельно разъяснил:

...стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в неё с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов может быть и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону! (*Д18*; 12, 330).

В отрицании народности, в надежде на то, что «всё сливается в одну форму, в один общий тип», Достоевский видел «западничество в самом крайнем своём развитии и без малейших уступок». Христианство даёт иной урок: «новую, неслыханную дотоле национальность — всебратскую, всечеловечскую, в форме общей вселенской Церкви».

Быть русским — стать всечеловеком, христианином.

В научном определении антропология Достоевского — *христианская*. Для Достоевского в каждом человеке заключен образ Божий, образить, обожить — восстановить образ

Божий и тем самым *очеловечить человека*. Ср. комментарий Достоевского к слову *образить*:

Образить, словцо народное: дать образ, восстановить в человеке образ человеческий. «Образить человека», «ты хоть бы образил себя», говорится, например долго пьянствующему: Слышано от каторжных (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 88).

Прав Карен Степанян, связав формулу «найти в человеке человека» с христианской идеей проявления образа Божьего в человеке [9, 13—14].

Человек Достоевского несет в себе возможную полноту Творца и творения.

Достоевский формулирует законы бытия:

...всяк человек образ Божий на себе носит, образ его и подобие (Д18; 3, 175).

Христианство есть доказательство того, что в человеке может вместиться Бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть (РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 176).

Неисповедимы пути, которыми находит Бог человека (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 145).

...человек не в силах спасти себя, а спасен откровением и потом Христом — т. е. непосредственным вмешательством Бога в жизнь (РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 31).

Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 3).

...исполни всё-таки десять заповедей и будешь великий человек (РГАЛИ. Ф. 212.1.13. С. 66).

...раздвоенность человека <...> есть гибель (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 107).

...лицо человека есть образ его личности, духа, достоинства (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 118).

Если хотите человек должен быть глубоко несчастен, ибо тогда он будет счастлив. Если же он будет постоянно счастлив, то он тотчас-же делается глубоко несчастлив. И в этом рассуждении уместна ссылка на авторитет Козьмы Пруткова, его афоризм: «Счастье не в счастья, а лишь в достижении (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 126).

Человек обширнее своей науки (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 131).

Честным человеком быть всего выгоднее (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 186а).

Литературный идеал демократ. Народный — идеал доброго человека лучше (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 103).

Это случайная подборка, но она раскрывает тенденции мысли Достоевского.

Свои антропологические идеи Достоевский сделал предметом анализа в художественном творчестве, предметом рефлексии и саморефлексии автора и героев.

Что было основой синтеза противоречий?

Герой Достоевского менее всего тип, но всегда характер, личность, *Лицо*.

Откровением для читателей стали уже первые произведения писателя.

Что открыл Достоевский в своем первом романе «Бедные люди», в петербургской поэме «Двойник»?

Открытия Достоевского переворачивали привычные представления о литературе и о человеке. Герои Достоевского сокровенны, они несут в своей душе тайну, и их тайна откровенна: они стыдливо говорят на понятном друг другу и читателям языке, на языке христианской любви. В результате возникает парадоксальная коллизия. Можно быть умнее и образованнее Макара Девушкина, какими были, например, Чацкий, Онегин, Печорин, Андрей Болконский или Пьер Безухов. Можно быть безупречнее героя эпистолярного романа Достоевского: так, например, идеальная пушкинская Татьяна Ларина. Тем не менее в характере и в личности Макара Девушкина есть нечто, что делает его значительнее многих героев не только русской, но и мировой литературы.

Эволюция Макара Девушкина безусловна. Герой перерождается: он сознает себя в слове, в письмах Вареньке, изреченное слово помогает сознать себя и понять других, происходит духовное возрождение человека в слове и словом.

Роман являет откровение и открытие Слова, которое творит мир и человека. Макар Девушкин был первым откровением великой идеи Достоевского — идеи «восстановления» человека, духовного воскрешения от бедных людей, униженных и оскорбленных до братьев Карамазовых.

Эту же идею и этот принцип христианской антропологии Достоевский защищает в «Двойнике»: каждый человек несет в себе образ Божий. Нет одинаковых людей, каждый бесподобен, каждый неповторим. Недопустима замена одного другим, подмена оригинала копией. Пошлый, неуклюжий и недалекий господин Голядкин — тоже «брат твой» и наш, он тоже достоин сострадания, милосердия и любви. Несмотря на очевидное неблагообразие и даже некоторое безобразие героя, Достоевский защищает в нем «человека в человеке», его идеальную сущность, образ Божий в каждом из нас.

Сам Достоевский подчеркивал, что он открыл подполье в современном человеке, что Голядкин — «главнейший подпольный тип» (РГАЛИ. Ф. 212.1.11. С. 171), [ср.: 4, 15.1; 259].

Антропологический принцип в повести «Записки из подполья» стал событием не только в мировой литературе, но в мировой философии. Особая тема — критика рационалистических концепций человека в европейской философии, его полемика с «лекарями-социалистами», с Чернышевским и его последователями. Как наивен, с точки зрения Достоевского, был «антропологический принцип в философии» Чернышевского, его теория «разумного эгоизма»:

При внимательном исследовании побуждений, руководящих людьми, оказывается, что все дела, хорошие и дурные, благородные и низкие, геройские, и малодушные, происходят во всех людях из одного источника: человек поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчетом, велящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия [10, 51].

Или:

Цель всех человеческих стремлений состоит в получении наслаждений [10, 55].

У Достоевского было иное понимание человека.

Прижизненная критика нередко называла героев Достоевского «фантастическими», «больными», «небывальными» людьми. Достоевский возражал: нет никого реальнее их.

Герой Достоевского сложен, противоречив, двойствен, подчас неведом самому себе, непредсказуем не только для

читателя, но и для автора. У него всегда есть заветное *вдруг* —

у него
 — Слово есть воплощенное слово. Оно является,
 чтобы сказать и сказать.
 И. П. Павлов (Римский № 0₇)

неожиданный «переворот» во мнениях и поступках, «перерождение убеждений» — преображение личности.

Герой не высказывается весь в словах, а если высказывается, то его слова — ложь.

И вместе с тем:

Человек есть воплощенное слово, он явился, чтобы познать и сказать (ИРЛИ. Ф. 100. 29444. С. <3>).

В современных изданиях этот рукописный текст воспроизводится неточно:

Человек есть воплощенное Слово. Он явился, чтобы познать и сказать (Д30, 15; 205).

Изменен синтаксис, ключевое понятие *слово* печатается не со строчной, а с заглавной буквы.

По смыслу заглавная буква нужна, и она есть в печатном тексте.

В рукописном тексте онтологический смысл выражен иначе — почерком.

В этом суждении Достоевского его *слово* есть *Logos*: Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος, καὶ ὁ Λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν, καὶ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος, что в русском переводе: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1).

Примечательно, что почти вся страница, за исключением трех мест, заполнена скорописью.

В первом случае старательно выписано и выделено начертанием *слово*, в другом случае тем же почерком выделено слово *старца*:

«См. у старца в келье». Далее следует корректорская отметка текстовой вставки: «№ 0₇».

В третьем случае тем же почерком с каллиграфическими выделениями записаны евангельская цитата и суждения по поводу ее ошибочных толкований:

— Блаженно чрево носившее тя, и сосцы тебя питавшие.

~~№ 0~~
~~— Сын у старца в Келье № 0~~
 № 0. Рахматов об убиении, лифлянтин или венец
 убиение в Зока
 — Маленький набитый бумажку в Келье. Валерушка
 — № 0₃, № 10 — Непреступно
 — Блаженно чрево носившее ты и сосцы
 тебя питавшие / ~~Видно что человек совсем не знает~~
 / ~~и говорит о том Зока~~
ВАЖНЕЙШЕЕ. Старец Помещик цитирует
 из евангелия и грубо ошибается, а Миусов поправ-
 ляет его и ошибается, еще грубее. Далее
 ученый ошибается, никто евангелия не знает.
 Блаженно чрево носившее ты и сосцы Христовы.
 Это не Христос сказал и т.д.
 — Старец говорит: Был ученый профессор (Вагнер). Из евангелия:
 похвалил господина ловкого грабителя управляющего. Как
 же это? Я не понимаю.
 — Старец непременно: Вот только то что может быть не веровали
 сами тому, что написали (ИРЛИ. Ф. 100. 29444. С. <3>).

— **ВАЖНЕЙШЕЕ.** [Миусов] Помещик цитует из евангелия и грубо ошибается. Миусов поправляет его и ошибается еще грубее. Даже ученый ошибается. Никто Евангелия не знает. Блаженно чрево носившее ты, сказал Христос. Это не Христос сказал и т. д..

Старец говорит: Был ученый профессор (Вагнер). Из евангелия: «похвалил господин ловкого грабителя управляющего». Как же это? Я не понимаю.

Старец непременно: Вот только то что может быть не веровали сами тому, что написали (ИРЛИ. Ф. 100. 29444. С. <3>).

Ошибка и непонимание участников «неуместного собрания» в «Братьях Карамазовых» вызвана их незнанием и непониманием Евангелия, их глухотой к Слову.

Вот евангельский эпизод, давший повод грубым ошибкам помещика Максимова и либерала Миусова:

Когда впоследствии одна из жен, в восторге от слов благодати, исходивших из уст Иисусовых, воскликнула: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие», то не сказал ли Господь: «Блаженны слышащие слово Божие и хранящие его» (Лк. 11: 27—28).

У Достоевского текст зачастую объясняет другой текст.

Разработанная автором сцена ложного толкования Евангелия не вошла в окончательный текст романа «Братья Карамазовы», но, утаивая евангельский смысл, автор делает тайное явным: «Блаженны слышащие слово Божие и хранящие его».

Христианин — воплощенное слово, он следует Христу, который есть воплощенное Слово. Это ключевой вопрос веры:

Многие думают, что достаточно верить в мораль Христову, чтоб быть христианином. Не мораль Христова, не учение Христа спасает мир, а именно вера в то, что слово плоть бысть. Вера эта не одно умственное признание превосходства его учения, а непосредственное влечение. Надо именно верить, что это окончательный идеал человека, все воплощенное слово, Бог воплотившийся (РГБ. Ф. 93.1.1.5.С. 39).

Следование идеалу помогает одолевать несовершенства природы человека:

Возлюбить человека, *как самого себя* по заповеди Христовой — невозможно. Закон личности на Земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный, от века идеал, к которому стремится, и по закону природы должен стремиться человек. — Между тем, после появления Христа, как *идеала человека во плоти*, стало ясно как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития в самом пункте достижения цели)> (РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 41).

В синтезе рассуждений Достоевского слиты воедино Бог, Христос, Слово, человек, личность, творчество, идеал.

У других писателей герой зачастую меньше автора, Достоевский умел явить величие простого человека. В его художественном мире Слово творит мир, человека, приобщает его к Богу. В душе героя «все противоречия вместе живут», «Бог с дьяволом борются», сошлись «идеал Мадонны» и «идеал содомский», но лица его героев проступают из «тьмы» при свете совести, которая есть согласие человека не только с людьми, но прежде всего с Христом.

У Достоевского нет лишних и маленьких людей. Они принципиально невозможны в его мире. Каждый безмерен и значим, у каждого — свое Лицо. Постижению тайны чело-

века Достоевский учился у великих предшественников — Шекспира и Бальзака.

В романе Достоевского «Бесы» есть примечательный эпизод.

Петруша Верховенский, один из революционных бесов, рассказывает Николаю Ставрогину случай, который произошел с ним на днях в компании с пехотными офицерами:

Об атеизме говорили и уж разумеется Бога раскассировали. Рады, визжат. Кстати, Шатов уверяет что если в России бунт начинать, то чтобы непременно начать с атеизма. Может и правда. Один седой бурбон капитан сидел, сидел, всё молчал, ни слова не говорил, вдруг становится среди комнаты и, знаете, громко так, как бы сам с собой: «Если Бога нет, то какой же я после того капитан?» Взял фуражку, развел руки, и вышел.

— Довольно цельную мысль выразил, — зевнул в третий раз Николай Всеволодович (Д18, 9; 160—161).

Несмотря на невозмутимую реакцию Николая Ставрогина, мысль «седого бурбона», офицера из выслуживших солдат, парадоксальна: на самом деле, почему атеизм исключает государство и чин? почему без Бога он не капитан? почему Бог является основой государственного устройства мира — и не только государственного?

Другие вариации на эту тему: если Бога нет, *нет добродетели, нет бессмертия, всё разрешается, всё позволено.*

В монотеистической культуре атеизм отрицает и разрушает мораль.

У Достоевского была почти религиозная концепция творчества. Как священник на исповеди, писатель был исповедником своих героев, их грехи становились его грехами, увеличивая тяжесть его креста. Свою вину герои и их автор разрешают самим актом творчества: исповедью, покаянием и искуплением своих и чужих грехов.

Позже эта идея была выражена в служении и поучениях старца Зосимы: сделать себя ответчиком за чужой грех. Виноваты все. У каждого своя мера вины. Одни виноваты в том, что сделали, другие — в том, что не сделали. Кажущаяся невиновность лишь иллюзия: каждый в ответе за мировое зло. Возможны духовное воскрешение и спасение *любого*

человека (обращение Савла в Павла). Этот искупительный путь человека — метафора спасительной жертвы Христа и его воскрешения.

В романах Достоевского нет прямой декларации авторских убеждений. Его поэтика являет иной эстетический принцип. Писатель мыслил себя «реалистом в высшем смысле», направление которого «истекает из глубины Христианского духа народного». В прямом определении это *христианский реализм*, это «полный реализм», при котором неблагообразие мира и мрак в душе грешников («един Бог без греха») озарены светом Благой Вести Христа.

Примечания

- * Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.
- ¹ Сочинения Достоевского цитируются в тексте статьи с указанием условных обозначений, тома и страницы по следующим изданиям:
Д1883 — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. I. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб, 1883. [838 с.: 332+376+122+8].
Д18 — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 18 т. М., 2003—2005. Т. 1—18.
Д30 — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972—1990. Т. 1—30.
- ² Ссылки на рукописные и архивные источники содержат указание на место, фонд, единицу хранения:
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы РАН.
РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусств.

Список литературы

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа // *Заря*. 1869. № 3. С. 1–75.
2. Бердяев Н. А. Мировоззрение Достоевского. Прага: YMCA-Press, 1923. 238 с.
3. Бицилли П. М. К проблеме возрождения культуры // *Новый Град*. Париж, 1934. № 8. С. 39–51.
4. Булгаков С. В. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. Сергиев Посад: Тип. А. Иванова, 1917. 417 с.
5. *Иустин, прп. (Попович)*. Достоевский о Европе и славянстве. СПб.: ИД «Адмиралтейство», 1998. 272 с.

6. Леонтьев К. Н. О всемирной любви, по поводу речи Ф. М. Достоевского // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931: Сб. статей. М.: Книга, 1990. С. 9–31.
7. Николај, еп. (Велимировић). Речи о Свечовку. Београд, 1920 (на сербском языке). 338 с.
8. Розанов В. В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. 429 с.
9. Степанян К. А. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М.: Раритет, 2005. 512 с.
10. Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения. М.: Искусство, 1978. 560 с.

Vladimir Nikolaevich Zakharov

*Doctor of Philology,
Professor of the Department of
Russian Literature and Journalism,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
vnz01@yandex.ru*

DOSTOYEVSKY'S POETIC ANTHROPOLOGY

Abstract: Dostoyevsky proposed a new conception of Man in the world literature. Critics have described such psychological discoveries of the writer as irrationalism, dualism, and underground. Many aspects of his Christian anthropology remained beyond the attention of the researchers. In his conception of Man there are such essential concepts as the common pseudo-human (*obshchechelovek*) and the panhuman (*vsechelovek*) in his conception of man. The common pseudo-human is a special type of a Russian man that appeared after the reforms of Peter the Great. Unlike the British, the Germans, the French, who maintain their nationality, the Russian “common pseudo-human” strives to be anyone but Russian. Being a common pseudo-human is to be an abstract European without roots and soil. *Vsechelovek* is a rare word in the Russian language. Nikolai Danilevsky used this word with a capital letter to call designate Christ (1869). Dostoyevsky used the word pan-human without capitalization to denote a perfect Christian. It expressed the inner sense of his Pushkin Memorial speech. It was Dostoyevsky who introduced the word panhuman in Russian literature and philosophy. Konstantin Leontiev did not understand the meaning of this word. He represented “the terrible, in his opinion, pan-human” as a common pseudo-human, European, liberal, and cosmopolitan. This mistaken substitution (*obshchechelovek* instead of *vsechelovek*) is typical for Russian literary and philosophical criticism of the 20th century. For Dostoyevsky, each person carries the image of God. The verbs *obrazit'* (to restore the image) and *obozhit'* (to divinize) imply the restoration of the image of God and thereby the *humanization of a person*. To be Russian is to become pan-human (*vsechelovek*), Christian.

Dostoyevsky's hero carries all possible completeness of the Creator and the Creation.

Keywords: Christian anthropology, Dostoyevsky, Danilevsky, Leontiev, new categories, common pseudo-human (obshchechelovek), pan-human (vsechelovek)

References

1. Danilevskiy N. Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. *Zarya [Dawn]*, 1869, no. 3, pp. 1–75.
2. Berdyaev N. A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoyevsky's World View]*. Praga, YMCA-Press Publ., 1923. 238 p.
3. Bitsilli P. M. K problem vozrozhdeniya kul'tury [To the Problem of Cultural Revival]. *Novyy Grad [New City]*. Paris, 1934, no. 8, pp. 39–51.
4. Bulgakov S. V. *Svet Nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya [Unfading Light: Contemplation and Speculation]*. Sergiyev Posad, A. Ivanov's Publ., 1917. 417 p.
5. Iustin, St. (Popovich). *Dostoevskiy o Evrope i slavyanstve [Dostoyevsky's Opinion about Europe and the Slavs]*. St. Petersburg, Admiralteystvo Publ., 1998. 272 p.
6. Leont'ev K. N. O vseмирной lyubvi, po povodu rechi F. M. Dostoevskogo [About the World of Love: to the Fyodor Dostoyevsky's Speech]. *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoy mysli 1881–1931 [About Dostoyevsky. The Impact of Dostoyevsky's Prose on the Russian Thought, 1881–1931 Years]*. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 9–31.
7. Nikolay, bishop (Velimirovich). *Rechi o Svechoveku [Orations on the Universal Man]* (in Serbian). Beograd, 1920. 338 p.
8. Rozanov V. V. *Sobranie sochineniy. Apokalipsis nashego vremeni [Collected Works. Apocalypse of Our Time]*. Moscow, Respublika Publ., 2000. 429 p.
9. Stepanyan K. A. «Soznat' i skazat'»: «Realizm v vysshem smysle» kak tvorcheskiy metod F. M. Dostoevskogo [“To Realize and to Say”: “Realism in Its Highest Sense” as a Creative Method of Fyodor Dostoyevsky]. Moscow, Raritet Publ., 2005. 512 p.
10. Chernyshevskiy N. G. *Izbrannye esteticheskie proizvedeniya [Selected Aesthetic Works of Aesthetic]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. 560 p.